

Антропологические смыслы представлений П. А. Флоренского о времени и пространстве

Сироткин Юрий Львович

кандидат социологических наук, доцент, Казанский институт (филиал),
Всероссийский государственный университет юстиции (Российская правовая академия Минюста России).
Россия, г. Казань. ORCID: 0000-0002-9434-6314. E-mail: syurij75@gmail.com

Аннотация. В статье раскрываются идеи П. А. Флоренского по поводу антропоцентрической природы пространственно-временного континуума. Актуальность обращения к настоящей проблематике определяется возросшим интересом к истории русской философии XX в. и заложенным в ней потенциалом видения перспективных направлений эволюции философской мысли, одним из которых является генезис представлений о пространственно-временном континууме и изучение его природы. Проблема, обсуждаемая в рамках настоящей статьи, формулируется как определение гносеологических ресурсов творческого наследия Флоренского в обосновании антропологической природы пространства-времени. Целью исследования является обоснование нового вектора исследовательской аналитики наследия философа, предполагающей раскрытие антропологической природы пространственно-временного континуума. В исследовании использовались диалектические методы познания: восхождение от абстрактного к конкретному, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение. Результатом исследования является постижение антропологических смыслов представлений Флоренского о времени и пространстве. Полученные результаты позволили сформулировать выводы о соотношении времени и образа, произвести спецификацию восприятия и сознания времени. На примере портрета показать связь движения, личности и времени. Намеченные истоки представлений Флоренского о времени и пространстве дали основания для заключения о бренности жизни отдельного человека как свидетельстве исчерпанности антропологического времени и значении понимания в осуществлении связи человека и пространства. Онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и культурологическое дополняется антропологическим пониманием пространства. Пространство и время приобретают у Флоренского человеческое измерение. Единство человека и пространство предполагает диалог между ними, разворачивающийся на основе процедуры интериоризации символов, уяснения антропологических смыслов пространства, соотношения эстетического и психофизиологического пространства, пространства и вещи. Месторасположение в пространстве определяет его понимание в единстве мыслей и смыслов и т. д. Областью применения полученных результатов и сформулированных выводов служат поля и практики философско-антропологических исследований, а также вузовские курсы соответствующих дисциплин.

Ключевые слова: П. А. Флоренский, время, пространство, пространственно-временной континуум, антропология, человек.

В качестве предваряющих изложение содержания настоящего исследования замечаний обозначим установку на актуальность освоения антропологического дискурса понимания пространственно-временного континуума у П. А. Флоренского (1882–1937) не только как выдающегося мыслителя XX в., но и как Личности, обретающей прозрение в осознаваемой предельности антропологического времени и условиях чрезвычайно ограниченного пространства. Поэтому Флоренский в восприятии современников и потомков – это мыслитель, чувствующий и определивший антропологические смыслы времени-пространства так, как никто другой. Своевременность обращения к пространственно-временной проблематике в философском наследии Флоренского вызвана обострившимся вниманием к антропологическим проблемам в их мировоззренческом аспекте, сопряженном с поисками смысла жизнеустроения в человекомерном времени-пространстве. Злободневность обозначенной проблематики усиливает необходимость не выпадать, а соответствовать времени во всех сферах человеческой деятельности и общения. Соответствовать запросам и отвечать на вызовы времени помогает познание его антропологической природы, которая объясняет различные формы проявления активности человека, так как пространственно-временной континуум выступает координатором образа действительности, задающего человеку программу выбора приоритетных средств и форм деятельности, необходимых для достижения поставленных целей.

Обширное творческое наследие Флоренского, возвращенное отечественному читателю на рубеже тысячелетий, стало знаменательным событием в интеллектуальной жизни России и вызвало мощный импульс живого интереса к энциклопедической образованности и разносторонним интересам, нашедшим отражение в масштабных по замыслу и глубоким по смыслу сочинениях философа. Творческое наследие Флоренского не обделено вниманием исследователей; его анализу посвящена достаточно обширная литература, отражающая различные направления разносторонней научной деятельности философа (Н. К. Бонецкая [4], О. И. Генисаретский [5], С. С. Хоружий [20] и т. д.). В корпусе работ имеются исследования, посвященные вопросам антропологии (А. А. Андриушков [1; 2], Н. Н. Павлюченков [8], Н. В. Пономарев [9], Т. В. Семенова [11] и т. д.). Пространство и время в сочинениях Флоренского изучены в качестве категории культуры (О. М. Седых) и контексте ее типологии (А. Е. Громова) как феномена художественного творчества (Ю. А. Асоян) и дизайна (Н. В. Наумов). Разнообразны подходы к анализу. В частности, положение Флоренского о соответствии толкования пространственно-временных аспектов действительности общему характеру картины мира культуры О. М. Седых [10] иллюстрирует экстраполяцией пространственно-временной модели в классической и неклассической парадигме и соотношением специфики этих моделей с особенностями культурных векторов. А. Е. Громова [6] показывает зависимость восприятия времени-пространства от типологических особенностей культуры. Категория время-пространство раскрыта в соотношении с теургической функцией культуры и определено место этой категории в концепции «средневекового» и «возрожденческого» типов культуры, представленной как целостная система в картине мира Флоренского. Ю. А. Асоян [3] в сравнительно-сопоставительном контексте раскрывает идею Флоренского о деятельности по организации пространства как базовой для понимания культуры применительно к различным типам и способам конструирования художественных пространств. Одним из способов реорганизации пространства является способ его построения в разных видах искусства, основанный на принципе «организации пространства в разные художественные эпохи» В. А. Фаворского. Выявлено общее и особенное в теоретико-художественных концепциях пространствостроения Флоренского и Фаворского. Н. В. Наумов [7] анализирует философские основания пространственно-символической концепции художественного творчества применительно к пониманию художественного творчества Флоренским и относительно дизайнерских проектов, решающих социально-культурные проблемы. При этом антропологический контекст восприятия времени-пространства в миропонимании Флоренского не нашел отражения в работах исследователей. Данная статья в определенной мере восполняет этот пробел.

Целью настоящей статьи является попытка обозначить антропологический дискурс в философских построениях Флоренского. Задачи работы: предложить новый вектор исследования творческого наследия философа; раскрыть основания аналитики времени у Флоренского; обосновать антропоцентризм взглядов Флоренского на пространственно-временной континуум; осуществить спецификацию восприятия мыслителем времени-пространства; показать сопряженность движения человека, времени и пространства в произведениях искусства в интерпретации философа.

Теоретическую основу исследования составили философские тексты, с наибольшей полнотой отражающие эволюцию представлений об антропоцентрической природе времени-пространства, а также материалы, содержащие результаты научных изысканий корпуса философских работ Флоренского. Исходным материалом для осуществления эвристических процедур явились тексты, созданные в различные периоды жизни философа. Методологическую основу исследования составили положения философской антропологии о необходимости человеческого измерения пространственно-временного континуума, рефлексивной природы человеческого «Я», направленной на самопознание феноменов, сопровождающих бытие человека. В процессе исследования использовались диалектические методы познания (восхождение от абстрактного к конкретному, анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение и обобщение). В качестве метода применялись герменевтический (Г. Г. Гадамер) и феноменологический (Э. Гуссерль) подходы, которые позволили раскрыть понятийную и содержательную сущность означаемого в единстве ноуменального и феноменального.

Результаты. Проведенный анализ позволяет констатировать неослабевающий интерес к философскому наследию Флоренского, отражающему его многогранный талант и глубину исследовательского поиска. В работе обоснован антропологический вектор постижения времени и пространства, свидетельствующий о разносторонности интересов философа и ориги-

нальности его интерпретаций антропоцентрической природы пространственно-временного континуума.

Обсуждение. Антропологические смыслы воззрений Флоренского на время и пространство обнаруживаются в исходных предпосылках понимания природы философской антропологии. В первую очередь это касается восприятия. Восприятие помещается в парадигму метафизических линий и плоскостей, которые актуализируют «своеобразие психологического устройства нашего опыта». В плоскости онтологии видится производство психологии метафизикой при обратной зависимости определения метафизических представлений психологией. Символические представления также не выходят за пределы метафизически психологических зависимостей, что предполагает выражение метафизического в психологическом, и наоборот. Антропологизм обеспечивает индивидуализацию восприятия пространственно-временного континуума, что придает последнему необычное разнообразие оттенков при сохранении универсальных начал. Антропология в представлении Флоренского раскрывает «представительное бытие», в котором макрокосм воплощается в микрокосме [15, с. 41]. Доминантами чувственного восприятия выступают зрение и слух. В восприятии заложена антропологическая идея времени-пространства, с которой человек проживает время и осваивает пространство. Во времени живут, в пространстве – присутствуют. Антропологическая природа времени-пространства гармонизирует восприятие континуума человеком, обеспечивая его целостность. Целью освоения времени и овладения пространством является человек. Время и пространство пребывает в человеке и существует для человека [15, с. 44].

Время выступает координатором образа действительности и раскрывается в ее образе, что предполагает начало и конец времени. Время образа – это время, обладающее яркой индивидуальностью образа. Поэтому о нем можно судить только исходя из собственного времени данного образа или поднявшись над образами, объединенными в совокупность «общим пространством, с особым своим временем, т. е. четырехмерным пространством» [17, с. 211]. В этом случае за временем сохраняются характеристики первых трех измерений. Приведенные рассуждения касаются живописного изображения действительности, вне возможных искажений или парадоксов восприятия. Вопросы восприятия и сознания формулируются Флоренским в данном случае относительно времени. Организация времени в сознании предполагает «синтез временного последования». Условием синтеза выступает деятельность сознания. Синтезируемое время коррелирует с личным опытом. Время, находящееся за пределами личного опыта, можно расчлнить на отдельные времена с целью сделать обозримыми и объединить. Вне сознания или при его бездействии синтез времени невозможен, равно как и становится утраченным сознание времени.

Антропологический дискурс предполагает интерпретацию понятия человека. В понимании Флоренского человек это лицо, «светлый образ» и «просвечивающий в реальности» лик, а не только «темное хотение» и «стихийный напор» [19, с. 136]. Человек есть бытие, правда, жизнь и истина, мощь и ум, плоть и дух. В человеке обнаруживается две правды: правда бытия и правда смысла. Эти правды как начала человеческого бытия требуют бесконечности раскрытия. Только так – во взаимном признании безусловной правды – может быть достигнута цельность человека. Флоренским выстраивается ассоциативный ряд время-человек, в основании которого лежит гендерная специфика. Род (отец, сын) это время. Женщина олицетворяет пространство, которое несет в себе женское начало. Женское начало имеет потенциал порождения времени и рода; это пространство, в котором развивается род [16, с. 55]. Человек и род имеет собственную антропологическую линию. Род, как и человек, характеризуется органическим единством, целостностью образа, периодами расцвета и упадка [там же, с. 49]. Личность мыслится в моментах собственной биографии, но воспринимается со стороны вечности «сравнительно с нашим временем». Соотношение внешнего и внутреннего выступает в ней единством времени-пространства/стихии-долга [16, с. 222].

Связь движения, личности и времени находит выражение в портрете, который являет личность во времени. В портрете отражается «временная глубина личности, временная амплитуда внутренних движений» [17, с. 244]. Такова связь личности и времени, осуществляется посредством движений, охватывающих личность в динамике. Динамика предопределяет внутреннее развитие личности как «связанного во времени целого» [там же, с. 245–246]. Время живет в художнике. «Прибой Времени» оживляет изображаемое пространство.

Восприятие времени у Флоренского исходит из установки «на полноту проживания настоящего» (О. И. Генисаретский) и «определяется жизненным отношением к действитель-

ности» [15, с. 95]. Эта установка обусловила позицию философа к восприятию познаваемого. Генезис восприятия времени у Флоренского восходит к античным источникам [18, с. 44]. Во времени видится «некое метафизическое забвение» сущности «сознания, жизни, всякой реальности». Флоренский связывает время с памятью, со стремлением «памятовать». В соответствии с законом тождества во времени и в пространстве сознание обретает «само-разногласие», или множественность. Изменения во внешнем мире и внутреннем состоянии субъекта также подчиняются закону тождества: прошлое не есть настоящее, а настоящее разнится относительно будущего [18, с. 51]. Отмечаемое Флоренским «езде и всегда» противоречие и никогда тождество полагает, тем не менее, континуальную сосредоточенность времени-пространства в субъекте восприятия. Единым оказываются различия. В этом смысл и суть континуальности. Континуальность времени-пространства предполагает переход Я и Ты. Для антропологического дискурса природы континуума важна констатация единства каждого Я и Другого, обретаемого в Боге, т. е. в Вечности. Единство в вечности допускает единство во временности, или не противоречит его достижению, в том числе согласно законам и категориям диалектической логики. Равно как достигаемое единство во временности обеспечивает достижение единства в вечности. Именно в Вечности обретается полнота времени как единой совокупности времен. Вечность появляется во времени в определенном моменте; она есть единое «теперь». Вечность как феномен раскрывается в антропологическом смысле как символ духовной организации личности в сравнении с бытийствующей повседневностью ее жизни.

«Период времени в истории» определяется развитием сознания. «Изменение духа, – убежден Флоренский, – и составляет главное в историческом процессе» и иллюстрирует исходный тезис примером Гамлета [13, с. 270]. Активность сознания распространяется на области духовного развития. Самосознание оценивает состояние духа, ранжируя его «по достоинству». По аналогии с возрастанием и убыванием функции, оценивающей соотношение духовной жизни и времени, говорится о «возрастании и убывании личности в связи с ходом времени». В данном случае предполагается изменение личности, которое начинается в определенное время, «неуклонно уносясь в бесконечность». Таким образом, Флоренский рассматривает личность в целом и ее духовную жизнь в частности, как некоторую функцию времени, вновь обнаруживая и подтверждая одновременно единство человека и времени [13, с. 285–287].

Антропологические смыслы времени есть напоминание человеку о бренности его жизни. Завершение земного пути, по Флоренскому, «ничто иное, как более напряженное, более эффективное, более обращающее на себя внимание Время. Смерть – это мгновенное время, а Время – длинная смерть» [18, с. 412]. Умирание есть условие жизни, а рождаемое тленно. Таков нерадостный итог индивидуального человеческого бытия, вместе с которым уходит его время. В контексте размышлений Флоренского о времени жизни человека обратим внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, время остается *Временем*, т. е. движением, имеющим начало и конец, прошлое и будущее. Жизнь во времени не может быть иной. Во-вторых, жизнь как умирание, единое Время как Рок, который тяготеет над человеком. Слово рок включает в себе темпоральный смысл, т. е. смысл определенного времени, вкладываемый в характеристику человека, людей или их сообществ. Иначе говоря, понятие рока антропологично по природе.

Память создает во времени символы вечности. Психологические элементы безвозвратно утекают в прошлое; они неповторимы, так же как неповторимо время. Жизнь психологического элемента Флоренский называет «едино-моментной». Память есть феномен трансцендентальный. Поэтому говорить о прошедшем означает говорить в настоящем. Переходя на язык Флоренского «все Время дано мне, как некое *сейчас*», почему сам я, смотрящий на все Время (...) стою над Временем» [18, с. 178]. Память и мысль, овладев языком Времени, излагают Вечность. В акте высказывания актуализируется память. Память и мысль выступают в данном контексте в одной связке с творчеством. Язык становится свидетельством связи памяти, мысли и творчества. Время интегрируется в знание «трансцендентального субъекта» [14, с. 51]. Прошлое и будущее составляет акт знания, т. е. «забытую вещь в себе и запаянную трансцендентального субъекта» [там же, с. 56]. Всякое узнавание, констатирует Флоренский, есть воспоминание либо о прошлом, либо о будущем.

Антропологическая природа времени допускает разрыв темпоральной непрерывности. Флоренский говорит о разрыве «монотонного потока времени» праздниками. Праздники как время свободное, трансцендентное, предоставляют возможность ощутить «чувство длительности и позволяют осознать и измерить внутренним чувством время» [19, с. 456]. Время при-

носит праздник, определяющий повседневность. Человек использует систему праздников для упорядочения времени и придания ему иного ритма (ритма праздника). Ослабление индивидуализации праздников приводит к тому, что они утрачивают функцию производства времени [там же, с. 457]. Ритм определяет сознание, находящееся в со-положенном пространстве и со-последованном во времени. Праздничная служба «разрывает ткань времени и в этом разрыве обнажается священное время, образ Вечности – ноуменальная основа времени» [19, с. 489]. Время разрывается – временность встречается с вечностью. Аналогичные рассуждения касаются пространства: сознание видит пространство, которое воспринимается как «расчлененное разумностью» [19, с. 120].

Проблема пространства континуальна времени, хотя и предполагается за «собственный и первичный предмет философии». Истолкование пространства выступает критерием зрелости определенной системы мышления, так как миропонимание есть пространствопонимание [17, с. 272]. В пространстве человек ориентируется по отношению к вещам, другим людям и их деятельности; обретает возможность определять местоположение и ориентироваться в пространстве, установить его границы и пределы [19, с. 199]. Пространственная организация жизни приближает к ее сущностному миропониманию. Миропонимание обуславливается своеобразным восприятием и пониманием пространства. В этом нам видится сущностное значение и обнаруживается антропологический смысл пространствопонимания, а не приравнивание понимания пространства к миропониманию (О. И. Генисаретский). Понимание вступает связующим звеном между пространством и человеком. Сущее и ценностное обуславливают понимание и включение в пространство человека при одновременном присутствии пространства в человеке. Антропологическое понимание соотносится с онтологическим, гносеологическим, аксиологическим и культурологическим восприятием пространства.

Восприятие пространства Флоренским находится в русле доминирующей тенденции конца XIX – начала XX вв., связанной с возросшим вниманием к пространственности. Опуская причины актуализированного интереса, отметим его проникновение в познавательную парадигму на уровне «умо- и чувственнопостигаемой» модели. В частности, в пределах возникшего интереса, Флоренским трактуется внеположенность и образы обособления, которые находятся *вне* друг друга, но которые рассматриваются «как нечто *связное*». Представленное множество осознаваемо, так как образ отражает объективное состояние мысли и пространства. Условия возможности многообразия есть пространство, с многочисленными центрами, образуемыми образами обособления. Центры обособления наполняют пространство, обеспечивая его смыслообразующую полноту и подвижность в сторону полицентричности. Однако «живопись может стремиться к растворению отдельных образов в целом, подчиняя их композиции, деформируя и переплетая» [17, с. 143]. Пространство воспринимается последовательно, планомерно и в итоге закономерно. В отношении к пространству вещи задают ему определенность, поддерживают единство и обеспечивают целостность. В онтологическом плане вещи выражают сущности и смыслы. В деятельности вещи являют себя, т. е. «разные плоскости понимания свойственны разным поворотам вещи» [17, с. 164]. Их проявления становятся многомерными. Рассуждения о пространственноорганизуемых смыслах вещей Флоренский закономерно завершает цитатой Протагора об измеримости вещей человеком [там же, с. 166]. Антроподицея Флоренского констатирует, что духовное значение пространственно-временных явлений непосредственно связано с антропологизацией пространственно-временного континуума. Пространственность и человек раскрываются в целостности, что придает пространству-времени антропологический смысл, а континуум приобретает критерий человеческого измерения или человекомерности/человекообразности. Впоследствии человекомерность становится основным трендом постнеклассической науки, что позволяет рассматривать антропологический ресурс времени-пространства, раскрываемый Флоренским, в качестве предтечи ставшему господствующим вектору.

Для Флоренского человекомерные пространства – это пространства, постигаемые чувствами и разумом. Жизнь разворачивается в чувственнопостигаемом, а наука, деятельность, познание в умопостигаемом пространстве. Анализ пространственной организации произведений искусства выносятся за скобки, в связи с его достаточностью применительно к антропологическому дискурсу [3]. Человекомерность предполагает организацию объектов, расположенных в произведениях искусства и совместно с явлениями, обеспечивающих их целостность. Антропологический дискурс аналитики ориентирует направление организации пространства от человека к пространству, а восприятие/познание имеет обратную направ-

ленность от познаваемого к познающему, т. е. от пространства к человеку. В смысле единства познающего и познаваемого констатируется единство пространства и человека, обеспечивающее целостность. Для Флоренского первично пространство, воспринимаемое человеком с целью познания и преобразования в результате творческого акта. Человек воспроизводит модель действительного пространства и в осмысленной модели осуществляет творческие акции, воспроизводя и изменяя организацию пространства в соответствии с воображаемыми моделями, обеспечивая его антропологизацию процедурами и актами деятельности. Таким образом, человек осуществляет творческие действия в воображаемом и реальном пространстве.

Художественное восприятие пространства антропологическое по своей природе и символьное по смыслам. Смысловое начало воплощается в предметах, которые наделяются смыслами в воплощаемых образах. Образы как целостности связывают пространство, придавая ему законченность. Не вдаваясь в дискуссионные подробности о месте человека в пространственной организации, признаем его доминирующую роль в достижении пространственной определенности и выборе расположения предметов, образующих завершённый композиционный ряд. Мы говорим о выборе места восприятия, которое располагает предметы в своей завершённой последовательности. Место расположения во многом определяет пространство восприятия, являясь исходным основанием его гармонизации. Отдельные единства образуют совокупный комплекс, воспринимаемый как целостность. Целостность подвижна, единства относительно устойчивы, что обеспечивает динамическую цельность пространства во взаимодействии совокупных единств. Устойчивые единства эффективней воспринимаются и располагаются в соотносительной последовательности, очерчивая границы воспринимаемой пространственности. Границы воспринимаемого проводит время, наряду со способностями как доминирующими началами пространствоприятия. Вещь входит в сознание воспринимающего как предмет. Выход сознания в пространство уравнивается входом вещей в сознание на правах смыслов. Подобный процесс подвластен далеко не каждому, но именно результатом этого процесса является пространствопонимание, наделенное смыслами. Смыслы инициируют образы. Образы заполняют пространство, оживляя предметы. Человек и пространство обретают единство на уровне предметов и смыслов. То – подвижное единство, поддерживаемое неравновесием. Согласованность ради сохранения единства предполагает диалог между пространством и человеком. Для последнего – это монолог-размышление, инициированное диалогом с пространством. Предметом внутреннего монолога служат рассуждения о пространственных символах, перенесенных во внутренний мир человека и встроенных в ассоциативный ряд восприятия. Результат предлагаемых рассуждений может быть обобщен в понятиях восприятия – пространствопонимания – выражения. В этой последовательности раскрывается процедура постижения антропологических смыслов пространства, но ею не ограниченная, так как диалогизм требует со-участия в достижении всеединства. Того, что Флоренский обозначает термином синергия. Независимо от контекста и вариативности трактовок в его смысл мы вкладываем стремление к достижению взаимопонимания и состояний со-творческой одухотворенности, которое философ означает словосочетанием «просветленная природа». Искусство антропологизирует пространство [17, с. 276] и наполняет его эстетическим содержанием [там же, с. 284]. Эстетическое пространство сопряжено с психофизиологическим пространством. Центром психофизиологического пространства является человек; это пространство его жизни и саморазвития. Это соизмеримое с человеком пространство, т. е. пространство человекомерное. К характеристикам психофизиологического пространства Флоренский добавляет неизотропность/неодинаковость и непрерывность. В частности, неизотропность пространства воспринимается индивидуально и определяется развитием воспринимающих способностей. Непрерывность предполагает единство прерывных элементов восприятия. Единство образует целостность. Понятия цельности и целостности Флоренским различаются. Цельность предстает в качестве высшей формы целостности [15, с. 454–481]. Закону золотого сечения, онтологически выражающему строение целого как такового, соответствуют представления об антропологическом времени, содержащиеся в размышлениях Флоренского.

Оба понятия (цельность и целостность) включают в свое содержание пространственность. В частности, в целом пространство объединено с отдельными образами обособления, т. е. вещами. Вещь и пространство оказываются связанными. Исчезновение вещи приводит к исчезновению пространства. В этом случае, т. е. без вещи, пространство оказывается не воспринимаемым и не познаваемым [17, с. 322]. Зрительное восприятие произведений искусства

обусловливает преобладание пространства над вещами. При осязании вещь превалирует над пространственностью. Искусство стремится к равновесию. Нам же важно обратить внимание на то, что пространственность и вещь в изобразительном искусстве связываются с осязанием и зрением, феноменами чисто психологическими. Другой пример. Пространство поддерживает образы, а образы оформляют пространство независимо от возможности быть зрительно воспринятыми и структурирующими пространство. Если говорить о построении пространства на основе ощущений, то его внутреннее строение окажется специфичным. Не менее специфично мыслимое пространство. Примеры из аналитики Флоренского можно продолжить. Их количество не скажется на убедительности вывода об антропологической сущности пространственного восприятия и антропоцентрической природе организации пространства художественного произведения. Заклучим, однако, утверждением, что свойства пространства оказываются различными в зависимости от восприятия [17, с. 348]. Следствием понимания является организация пространства, которая составляет основную задачу искусства, а произведение искусства есть «особым образом организованное пространство» [там же, с. 359], которое «нужно понимать как пространство и время» [там же, с. 379].

Понимание пространства, которое представлено в орнаменте, свидетельствует о возможности возведения человеческого бытия «к уровню *самоценного бытия*» (О. И. Генисаретский). Духовные состояния, инициируемые восприятием пространства, предполагают не только сосредоточенность на себе и в себе, но и открытость пространству, символизирующую бесконечность духовной беспредельности. Антропологические смыслы, содержащиеся в пространстве, сопряжены с мыслями о пространстве. Для человека понять означает обнаружить сопряженность смыслов и мысли, установить между ними связь на уровне сходства-различия и достичь единства в определенности. Человек черпает ощущения и мысли в пространстве вещей и ощущает их в пространстве мыслимых вещей и предметов. Ощущение и мысли, вызванные пространством, посредством искусства переводятся в самоощущение и самоосмысление и возвращаются художником и зрителями в пространство, их вызвавшее, в форме организованных сущностей. Пространство, созданное и организованное произведением искусства, означает появление *пред* и *за* произведением «обратной онтологической перспективы органопроекции», которую Флоренский называет обратной перспективой [5, с. 31–32]. Новообразованное пространство антропоцентрично, как и все пространство, выходящее за его пределы, так как искусство антропологизирует пространство, которое им охватывается. Новоорганизованное пространство придает человеку силу действия, задаваемую волевыми импульсами, в нем содержащимися.

Из восприятия пространства процесс переходит на восприятие его составляющих единств/вещей. Это взаимодействие внутреннего и внешнего, где внутреннее обеспечивается внешним, а внешнее составляет овеществление внутреннего. Это не выглядит неубедительным в силу понимания Флоренским вещи, которое «отвечает понятию функции и понятию пространства» [17, с. 36, 325–326]. Вместе с тем Флоренский высказывал немалую дозу скепсиса относительно моделирования объектов, в том числе природных в их пространственном воспроизведении. Вещи взаимообусловлены в пространстве и их деконструкция разрушает пространство, лишая его композиционной целостности. Речь в этом случае не идет о воссоздании реальности, а лишь о ее имитации, т. е. того, что принято называть имитационным моделированием. Не будет выглядеть натяжкой обозначить такое пространство как переходное от одного в другое независимо от разницы сложившихся в каждом организационных структур. Флоренский оставался сторонником ценностного критерия организации пространства, не только художественного. Применительно к последнему говорится о необходимости создания «устойчивого и неизменного, общечеловеческого и общезначимого в действительности» как цели «художества», которая состоит «в переорганизации пространства» [17, с. 39, 308–314]. При этом общечеловеческое соотносится с целым, как соотносится время и пространство. Вертикально-причинная организация пространства соотносится с горизонтально-целевой, которая означает ось времени. Точка пересечения становится символическим обозначением целого. Использование типологии причин Аристотеля играет в этом случае скорее вспомогательную, чем основную роль и не сказывается на оригинальности пространственных интерпретаций. Об этом, хотя и косвенно, свидетельствует антропоцентричность понятийного определения художественной целостности, в содержание которого включаются помимо целомудрия, неповрежденности и красоты гармония (внутреннего и внешнего), здоровье, полнота и формальное совершенство. В перечне содержательных конструктов выражен онтологический аспект целостности, представленной в сущностных характеристиках.

Содержательная аналитика пространственной формы скрывается за целевой и смысловой содержательностью, предопределяющей формообразование. В формообразовании раскрывается органичность целостности, приводящая, по Флоренскому, к духовной плодovitости, выражающейся в многообразии органических форм и придающих пространству завершенность. Многообразие трактовок исходного смысла и назначения формообразования принципиально не сказывается на временной перспективе и ее предопределенности. Для нас важны антропологические смыслы и цели пространствообразования, выражаемые в человеческом измерении. Это вытекает из основополагающих предпосылок исследования Флоренским проблем пространственности. В их основе лежит многомерный образ, который охватывает различные стороны жизни человека. В таком ключе мы рассматриваем насыщение пространства и времени антропологическим, в частности, духовным содержанием. Освоение содержания пространства невозможно без движения. На то оно и пространство, чтобы в нем перемещаться, это касается не только физического, но и духовного, т. е. антропологического пространства. Движение/перемещение в пространстве предполагает путь/маршрут. Человеческое движение сопровождается перемещением из прошлого в будущее. Прошлое остается в памяти, настоящее ощущается как совершающееся, будущее порождает надежду на ожидание. Сказанное относится к любому движению человека в пространстве независимо от его вида или характера. Образ как субъект также проживает время, преодолевая пространство. Явления становятся событиями благодаря человеку и обеспечивают единство пространства и времени «скрепами взаимной, внутренней обусловленности» [13, с. 263].

Аналитика пространственно-временного континуума предлагается Флоренским исходя из символического значения числа *три*. Самоустраняясь от обсуждения сложных и специальных проблем нумерологии, будем исходить из того, что «число *три* являет себя всюду, как какая-то основная категория жизни и мышления» [18, с. 458, 459–461].

В завершении краткого экскурса в антропологические смыслы представлений Флоренского о пространстве и времени не оставим без внимания трактовку освящения пространства-времени. Пространство и время полагается единым условием метафизической и трансцендентальной реальности [19, с. 309]. Таким образом, время и пространство является континуальным условием «являемости жизни», а сама жизнь есть являемость в ее состоятельности.

Заключение. Осуществленный обзор антропологического дискурса в философских построениях П. А. Флоренского позволяет выразить его основополагающие конструкты в следующих обобщениях.

1. Антропоцентризм в аналитике времени-пространства находит выражение в понимании философской основы антропологии. Это касается механизмов восприятия (зрительного, слухового), сознания и памяти. Человек интерпретируется как лицо и светлый образ. Выстраивается ассоциативный ряд время-человек, в основе которого лежит гендер. Антропологическое время мыслится в моментах индивидуальной биографии. Движение, личность и время получает выражение в портрете как особой форме актуализации человека во времени.

2. Континуальность времени-пространства выражается во взаимопереходе Я и Ты. Для антропологического контента природы континуума оказывается важной констатация единства Я и Другого, которое обретается в Боге, т. е. в Вечности. Вечность являет собой полноту времени. Для человека вечность актуализируется в настоящем. Личность становится функцией времени, что свидетельствует о единстве человека и времени. Антропологическое время – это живое время с началом и завершением. Время течет; его непрерывность разрывается праздниками, которые используются человеком для упорядочения времени и смены ритма.

3. Пространствопонимание определяет миропонимание. Пространство осознается человеком в расчлененном виде. Время также состоит из отрезков. Пространственная организация жизни раскрывает ее миропониманческую сущность. Понимание связывает пространство и человека, антропологизирует пространство и задает смысл его восприятия человеком. Антропологическое понимание соотносится с онтологическим, гносеологическим, аксиологическим и культурологическим восприятием пространства. Углублению пространствопонимания способствуют образы. Восприятие пространство смещается в сторону полицентричности; оно становится многомерным. Пространство и человек составляют целостность; континуум приобретает человекомерность, т. е. постигаемое разумом и чувствами. Пространство оказывается первичным. Человек воспроизводит его модель. В континууме человек сопереживает пространство в соответствии с духом времени.

4. Границы воспринимаемого пространства проводит время. Человек и пространство обретают единство на уровне предметов и смыслов. Процедура постижения антропологического смысла пространства раскрывается в связке восприятия – пространствопонимания – выражения. Искусство антропологизирует пространство. Эстетическое и психофизиологическое пространство сопряжены в человеке и трактуются как пространство жизни и саморазвития. Психофизиологическое пространство обеспечивает целостность пространства жизни и саморазвития как множественности и многообразия.

5. Пространство наполнено вещами; без вещи оно не воспринимается и не познается, так как восприятие пространства осуществляется посредством восприятия вещей. Пространственность и вещьность в искусстве связываются зрением. Пространство поддерживает образы, которые его оформляют. Единство пространства и человека иллюстрируется орнаментом, пример которого свидетельствует о том, что художественное произведение создает и организует пространство. Целевая и смысловая содержательность пространства предполагает формообразование. Пространство определенных форм выражается в человеческом измерении. Человеческое движение сопровождается перемещением из прошлого в будущее. Аналитика антропологических смыслов пространственно-временного континуума дополняется символическим значением цифры три и освящением времени-пространства.

Оригинальность вектора научного поиска содержит новизну в постановке проблемы смыслоопределения антропологического времени-пространства в творческом наследии П. А. Флоренского и подходов к ее решению; она же определяет перспективы анализа обозначенной проблематики в трудах отечественных философов и мыслителей русского зарубежья XX в.

Список литературы

1. Андрюшков А. А. Философская антропология П. А. Флоренского (культ и культура в антроподицее) : дисс. ... канд. филос. наук. М., 2007. 25 с.
2. Андрюшков А. А. Политическая антропология П. А. Флоренского : дисс. ... канд. полит. наук. М., 2013. 26 с.
3. Асоян Ю. А. Теория художественных пространств В. А. Фаворского и П. А. Флоренского (1920-е г.) // Культурология: Дайджест. 2014. № 1. С. 42–66.
4. Бонецкая Н. К. Русский Фауст XX века: [О Павле Александровиче Флоренском]. СПб. : Росток, 2015. 382 с.
5. Генисаретский О. И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского / сост., ред. игумена Андроника (А. С. Трубочёва) // П. А. Флоренский. Статьи и исследования по истории философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. С. 9–46.
6. Громова А. Е. Категории времени-пространства в контексте типологии культуры П. А. Флоренского. Кострома : Изд-во КГТУ, 2014. 127 с.
7. Наумов Н. В. Пространственно-символическая концепция художественного творчества и проблемы дизайна (по работам П. А. Флоренского) : дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2014. 22 с.
8. Павлюченков Н. Н. Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского: антропологический аспект. М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. 287 с.
9. Пономарев Н. В. Религиозно-философская антропология П. А. Флоренского в контексте мистико-символической православной традиции : дисс. ... канд. филос. наук. М., 2004. 22 с.
10. Седых О. М. Пространство и время как категория культуры в учении П. А. Флоренского (на материале книги «Мнимости в геометрии») : дисс. ... канд. филос. наук. М., 2003. 26 с.
11. Семенова Т. В. Истина и смысл жизни в философии П. А. Флоренского : дисс. ... канд. филос. наук. Алматы, 1999. 24 с.
12. П. А. Флоренский: pro et contra: Личность и творчество П. Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ун-та, 2001. 823 с.
13. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой. М. : Мысль, 1994. 797 с.
14. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой. М. : Мысль, 1996. 877 с.
15. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 3 (1) / сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубочёв). М. : Мысль, 1999. 621 с.
16. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 3 (2) / сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубочёв). М. : Мысль, 1999. 623 с.
17. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории философии искусства и археологии / сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва); ред. игумен Андроник (А. С. Трубочёв). М. : Мысль, 2000. 446 с.
18. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М. : АСТ, 2003. 640 с.

19. Флоренский П. А. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (Трубачёв); ред. игумен Андроник (Трубачёв). М. : Мысль, 2004. 685 с.
20. Хоружий С. С. Миросозерцание Флоренского. Томск : Водолей, 1999. 159 с.

The anthropological meanings of P. A. Florensky's ideas about time and space

Sirotkin Yuri L'vovich

PhD in Sociological Sciences, associate professor, Kazan Institute (branch),
All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia).
Russia, Kazan. ORCID: 0000-0002-9434-6314. E-mail: syurij75@gmail.com

Abstract. The article reveals the ideas of P. A. Florensky about the anthropocentric nature of the space-time continuum. The relevance of addressing this issue is determined by the increased interest in the history of Russian philosophy of the 20th century and the potential inherent in it for seeing promising directions in the evolution of philosophical thought, one of which is the genesis of ideas about the space-time continuum and the study of its nature. The problem discussed in this article is formulated as the definition of the epistemological resources of Florensky's creative heritage in substantiating the anthropological nature of space-time. The purpose of the study is to substantiate a new vector of research analytics of the philosopher's legacy, which involves the disclosure of the anthropological nature of the space-time continuum. The study used dialectical methods of cognition: ascent from the abstract to the concrete, analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization. The result of the research is the comprehension of the anthropological meanings of Florensky's ideas about time and space. The results obtained made it possible to formulate conclusions about the relationship between time and image, to make a specification of perception and consciousness of time. Using the example of a portrait to show the connection of movement, personality and time. The outlined origins of Florensky's ideas about time and space gave grounds for concluding about the frailty of an individual's life as evidence of the exhaustion of anthropological time and the importance of understanding in the realization of the connection between man and space. The ontological, epistemological, axiological and cultural are complemented by an anthropological understanding of space. Space and time acquire a human dimension from Florensky. The unity of man and space presupposes a dialogue between them, unfolding on the basis of the procedure of interiorization of symbols, clarification of the anthropological meanings of space, the relationship of aesthetic and psychophysiological space, space and things. The location in space determines its understanding in the unity of thoughts and meanings, etc. The field of application of the obtained results and the formulated conclusions are the fields and practices of philosophical and anthropological research, as well as university courses of relevant disciplines.

Keywords: P. A. Florensky, time, space, space-time continuum, anthropology, man.

References

1. Andryushkov A. A. *Filosofskaya antropologiya P. A. Florenskogo (kul't i kul'tura v antropodicee) : diss. ... kand. filol. nauk* [Philosophical anthropology of P. A. Florensky (cult and culture in anthropodicy) : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2007. 25 p.
2. Andryushkov A. A. *Politicheskaya antropologiya P. A. Florenskogo : diss. ... kand. polit. nauk* [P. A. Florensky's political anthropology : diss. ... PhD in Political Sciences]. M. 2013. 26 p.
3. Asoyan Yu. A. *Teoriya hudozhestvennykh prostranstv V. A. Favorskogo i P. A. Florenskogo (1920-e g.)* [Theory of artistic spaces V. A. Favorsky and P. A. Florensky (1920s)] // *Kul'turologiya: Dajzhest – Culturology: Digest*. 2014. No. 1. Pp. 42–66.
4. Boneckaya N. K. *Russkij Faust XX veka: [O Pavle Aleksandrovice Florenskom]* [Russian Faust of the XX century: [About Pavel Alexandrovich Florensky]]. SPb. Rostock. 2015. 382 p.
5. Genisaretskij O. I. *Prostranstvennost' v ikonologii i estetiki svyashchennika Pavla Florenskogo / sost., red. igumena Andronika (A. S. Trubachyova)* [Spatiality in iconology and aesthetics of the priest Pavel Florensky] / comp., ed. by Abbot Andronik (A. S. Trubachev) // *P. A. Florenskij. Stat'i i issledovaniya po istorii filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and research on the history of philosophy of art and archaeology]. M. Mysl (Thought). 2000. Pp. 9–46.
6. Gromova A. E. [Time-space categories in the context of P. A. Florensky's cultural typology]. Kostroma. Publishing house of KSTU. 2014. 127 p.
7. Naumov N. V. *Prostranstvenno-simvolicheskaya koncepciya hudozhestvennogo tvorchestva i problemy dizajna (po rabotam P. A. Florenskogo) : diss. ... kand. filol. nauk* [The spatial-symbolic concept of artistic creativity and design problems (based on the works of P. A. Florensky) : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. Rostov-na-Donu. 2014. 22 p.
8. Pavlyuchenkov N. N. *Religiozno-filosofskoe nasledie svyashchennika Pavla Florenskogo: antropologicheskiy aspekt* [The religious and philosophical legacy of priest Pavel Florensky: an anthropological aspect]. M. Publishing House of the Moscow State University. 2012. 287 p.

9. Ponomarev N. V. *Religiozno-filozofskaya antropologiya P. A. Florenskogo v kontekste mistiko-simvolicheskoj pravoslavnoj tradicii : diss. ... kand. filos. nauk* [P. A. Florensky's religious and philosophical anthropology in the context of the mystical and symbolic Orthodox tradition : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2004. 22 p.
10. Sedyh O. M. *Prostranstvo i vremya kak kategoriya kul'tury v uchenii P. A. Florenskogo (na materiale knigi "Mnimosti v geometrii") : diss. ... kand. filos. nauk* [Space and time as a category of culture in the teaching of P. A. Florensky (based on the material of the book "Imaginary in geometry") : diss. ... PhD in Philosophical Sciences]. M. 2003. 26 p.
11. Semenova T. V. *Istina i smysl zhizni v filosofii P. A. Florenskogo : diss. ... kand. filos. nauk* [The truth and the meaning of life in the philosophy of P. A. Florensky : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. Almaty. 1999. 24 p.
12. P. A. Florenskij: *pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo P. Florenskogo v ocnke russkih myslitelej i issledovatelej : antologiya. Izd. 2-e, ispr. i dop.* – P. A. Florensky: pro et contra: The personality and creativity of P. Florensky in the assessment of Russian thinkers and researchers : anthology. 2nd ed., corr. and add. SPb. Publishing House of Russian Christian Humanitarian University. 2001. 823 p.
13. *Florenskij P. A. Sochineniya : v 4 t. T. 1* [Essays : in 4 vols. Vol. 1] / comp. and gen. ed. of Abbot Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. M. Mysl (Thought). 1994. 797 p.
14. *Florenskij P. A. Sochineniya : v 4 t. T. 2* [Essays : in 4 vols. Vol. 2] / comp. and gen. ed. of Abbot Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. M. Mysl (Thought). 1996. 877 p.
15. *Florenskij P. A. Sochineniya : v 4 t. T. 3 (1)* [Essays : in 4 vols. Vol. 3 (1)] / comp. Abbot Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva; ed. Abbot Andronik (A. S. Trubachev). M. Mysl (Thought). 1999. 621 p.
16. *Florenskij P. A. Sochineniya : v 4 t. T. 3 (2)* [Essays : in 4 vols. Vol. 3 (2)] / comp. Abbot Andronik (A. S. Trubachev), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva; ed. Abbot Andronik (A. S. Trubachev). M. Mysl (Thought). 1999. 623 p.
17. *Florenskij P. A. Stat'i i issledovaniya po istorii filosofii iskusstva i arheologii* [Articles and research on the history of philosophy of art and archeology / comp. Abbot Andronik (A. S. Trubacheva); ed. by Abbot Andronik (A. S. Trubachev)]. M. Mysl (Thought). 2000. 446 p.
18. *Florenskij P. A. Stolp i utverzhdienie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei* [The pillar and the affirmation of truth: The experience of Orthodox theodicy]. M. AST. 2003. 640 p.
19. *Florenskij P. A. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoj antropodicei)* [Philosophy of cult (The experience of Orthodox anthropology)] / comp. Hegumen Andronik (Trubachev); ed. by Hegumen Andronik (Trubachev). M. Mysl (Thought). 2004. 685 p.
20. *Horuzhij S. S. Mirosozercanie Florenskogo* [Florensky's worldview]. Tomsk. Vodoley (Aquarius). 1999. 159 p.